

нас, верим ли мы в Бога, который ради нас стал узником, получил ранения, был приговорен к смерти ради нас и на третий день воскрес? Мы ответили, что так оно и было. Затем он сказал, что мы не должны терять присутствие духа, если нам придется ради Него испытать такие же страдания. «Потому что, – сказал он, – вы еще не умерли ради Него, как Он умер ради вас; и если Он смог вернуться к жизни, то не сомневайтесь, что и вас Он вернет, когда захочет».

С этим он ушел, и все молодые сарацины последовали за ним. С моей стороны, я был очень рад этому, поскольку был совершенно уверен, что они явились обезглавливать нас. Но прошло не так много времени, и люди султана явились сказать, что наш король договорился с их властителем относительно нашего освобождения.

Это произошло вскоре после расставания со стариком, который своими словами старался успокоить нас. Советник султана вернулся сказать нам, что король добился нашего освобождения и что мы должны послать четырех из нас, дабы выслушать, как он это сделал. Мы послали достойных Жана де Валери, Филиппа де Монфора, Бодуэна д'Эбелина, сенешаля Кипра, и Гюи д'Эбелина, коннетабля того же острова, едва ли не самых лучших рыцарей, которых я когда-либо знал. И эти четверо вернулись с рассказом, как король добился нашего освобождения из плена.

Глава 10 ПЕРЕГОВОРЫ С САРАЦИНАМИ

Апрель–май 1250 года

Советники султана начали разговор с королем столь же неторопливо и осторожно, как и в нашем случае, надеясь выяснить, пообещает ли он передать им какой-то из замков храмовников или госпитальеров или же из тех, что принадлежат пэрам. По Божьему велению, ответ короля был точно такой же, как и наш. Выслушав его, сарацины приступили к угрозам, сказав, что, если он не уступит их желаниям, они его сунут в барнакль, а это самая жестокая пытка, которую только человек может вынести.

Инструмент этот состоит из двух гибких кусков дерева, снабженных по краям зубцами, которые входят друг в друга, а с обоих концов связанных полосами бычьей кожи. Когда сарацины обрекают кого-нибудь на такую пытку, они кладут его на бок и просовывают его ноги между зубцами. Затем кто-то садится на барнакль, в результате чего целыми остается лишь половина костей. Мало того, чтобы усилить страдания, по завершении трех дней, когда ноги воспалились, они снова засовывают опухшие конечности в барнакль и доламывают кости. В ответ на эти угрозы король ответил, что он их пленник и они могут делать с ним все, что им угодно.

Когда сарацины увидели, что угрозами от нашего доброго короля ничего не добиться, они вернулись к нему и спросили, сколько денег он готов уплатить султану и, кроме того, сдаст ли он Дамиетту. Король ответил, что, если султан готов принять разумную сумму, он может послать за ней и посоветует королеве уплатить выкуп. «Как это так, – спросили они, – что вы не можете точно сказать нам, сделаете ли вы это или нет?» Король объяснил, что не знает, согласится ли королева или нет, потому что она сама отвечает за свои действия, а он всего лишь ее супруг.

На этом советники ушли посоветоваться с султаном и, вернувшись, сказали королю, что если королева готова уплатить миллион золотых безантов – что равняется пятистам тысячам ливров в наших деньгах, – то их государь отпустит его на свободу. За этим король попросил их поклясться, что если королева согласится выплатить такую сумму, то султан действительно отпустит и его, и всех остальных. Советники, поговорив с султаном, снова вернулись и от имени султана торжественно поклялись, что на этих условиях их государь отпустит его.

Теперь, когда эмир дал ему свое клятвенное заверение, король, в свою очередь, заверил его, что охотно уплатит пятьсот тысяч ливров за освобождение своих людей, а в виде выкупа за себя самого отдаст Дамиетту, поскольку человеку столь высокого положения, как у него, не подобает покупать себе свободу за деньги. Когда все это было передано султану, он воскликнул: «О Аллах! Этот француз – очень благородный человек, и не стоит заставлять его платить такую огромную сумму! Так что идите и скажите ему, что я отпущу его всего за сто тысяч ливров выкупа».

Султан приказал известным среди нас людям подняться на борт четырех галер и двигаться к Дамиетте. На судах вместе со мной были благородные граф Пьер де Бретань, граф Гийом Фландр-